

Вэй Цзинъюань сжал губы в улыбке:

— Когда ты поступишь на службу и получишь чин, сам попадешь во дворец, сможешь полюбоваться красотой внешних палат. А вот что до внутренних покоев...

Вэй Цзинъюань не договорил, уверенный, что Вэй Цзинцунь поймет.

— Это я знаю.

Вэй Цзинцунь небрежно откинулся на каменный стол, запрокинув голову:

— Старший брат, ты думал о будущем?

— О будущем?

Вэй Цзинъюань посмотрел вдаль, где вечерний ветерок шевелил ветви ивы у пруда. Он тихо произнес:

— Я никогда не думал о далеких вещах.

Вэй Цзинцунь наклонил голову, и в его глазах на мгновение промелькнуло отвращение, но тут же он улыбнулся:

— Я не так умён, как старший брат. Если ты унаследуешь титул, мне придется уехать из усадьбы. Только надеюсь, в тот момент ты вспомнишь обо мне, своем младшем брате, и будешь обо мне заботиться.

Вэй Цзинъюань усмехнулся в душе, но на лице его была теплая улыбка:

— Младший брат, зачем такие слова? Старший брат обязан оберегать тебя.

В душе он добавил: Я обязательно буду тебя оберегать, пока ты не вкусишь муки тысячи порезов. В этой жизни ты обречен расплатиться за долг кровью, накопленный в прошлой жизни.

Вэй Цзинцунь, впереди у тебя еще вся жизнь...

Вэй Гохуай был помещен под домашний арест императором из-за госпожи Цао и отбывал наказание в усадьбе. Это было величайшей милостью, и Вэй Гохуай был преисполнен благодарности, радуясь, что избежал этой напасти. Однако, находясь в заключении, он невольно вспоминал о госпоже Цао. Пустил глубокие корни чувства, как же легко забыть прошлое? Несколько дней назад Вэй Гохуай ходил в главный двор к старой госпоже на поклон. Та, увидев его мрачный вид и уныние, отчитала его: мужчина должен ставить государственные дела на первое место и не позволять чувствам себе мешать. Если это выйдет наружу — беда небольшая, что люди будут сплетничать, но вызвать неудовольствие императора — это уже серьезно.

Вэй Гохуай был не глуп, он понимал это, но не мог справиться собой. Каждую ночь, закрывая глаза, он видел спокойный образ госпожи Цао, такой живой. Просыпаясь, он всякий раз чувствовал влажность в глазах, но, проводя рукой, не находил следов слез. Со временем Вэй Гохуай понял, что скучает по госпоже Цао не из-за оставшейся любви, а из-за вины. Госпожа Цао, даже умерев, не причинила ему вреда, а он сам возымел убийственный умысел. Не следовало так делать, не следовало... Постепенно эта вина превратилась в злость, и он снова

вспомнил прежние советы Вэй Цзиньюаня. Если бы он не послушал его, он не решился бы на убийство и не корил бы себя так сильно... Вэй Гохуай считал себя человеком, чтущим чувства. Даже если госпожа Цао была шпионкой царства Сян, в чувствах она никогда не была ему должна. Вэй Гохуай поразмыслил и решил, что Вэй Цзиньюань, должно быть, был подстрекаем кем-то, когда давал тот совет, и этим кем-то, несомненно, была его законная жена, госпожа Чэнь.

За это время Вэй Гохуай заметил, что Вэй Цзиньюань стал не таким мягким, как раньше, но глаза его всегда сияли ярким светом, а исходящая от самого нутра простая доброта и честность не изменились. Всякий раз, вспоминая об этом, Вэй Гохуай невольно вздыхал: если бы он не был приемным сыном госпожи Чэнь, неужели небо смилостивилось бы над ним? В глубине души Вэй Гохуай все еще любил Вэй Цзиньюаня. Хотя любовь была притворной, со временем он искренне надеялся, что тот его родной сын. Жаль только, что судьба распоряжается по-своему, и он мог оставаться лишь пешкой для поддержания баланса между ним и госпожой Чэнь. Как долго это продлится? Вэй Гохуай не знал.

Два дня он не выходил из усадьбы. Вэй Цзиньюань, за исключением визитов к старой госпоже, почти все время проводил в Восточном флигеле, и дни шли спокойно. Единственное, что его беспокоило — где же находится госпожа Цао. Как-то ночью Вэй Цзиньюань вышел от умывальника за ширмой и увидел Лян Чжэня. Тот полулежал на ложе, одежда расстегнута, рука покоилась на локотнике и слегка покачивалась.

Вэй Цзиньюань пришел в ярость, нахмурился и отчитал его. Но Лян Чжэнь не придавал этому значения, нагло начав рассказывать о прошлом. Вэй Цзиньюань впервые слышал, как Лян Чжэнь говорит о своем происхождении, и замолчал, внимательно слушая. В процессе Вэй Цзиньюань почувствовал легкий запах алкоголя. Похоже, Лян Чжэнь вспомнил о чем-то и хотел найти человека, чтобы излить душу.

Выяснилось, что сегодня был день смерти матери Лян Чжэня. Почему же его не было рядом с ней в последние минуты, Лян Чжэнь не объяснил, лишь смутно обмолвился в двух словах. Вэй Цзиньюань не стал расспрашивать, намереваясь утешить его, когда тот закончит. Неожиданно Лян Чжэнь, закончив рассказ, встал, чтобы собираться на поиски пропавшей госпожи Цао. Не дав Вэй Цзиньюаню сказать ни слова, Лян Чжэнь вдруг подался вперед и с быстротой молнии чмокнул Вэй Цзиньюаня в щеку, после чего исчез в густой ночи.

В ту ночь Вэй Цзиньюань ворочался с боку на бок, не в силах уснуть. Место, куда коснулся Лян Чжэнь, казалось, пылало огнем. Вэй Цзиньюань, хоть и был зол на Лян Чжэня, ничего не мог поделать, решив, что тот, вспомнив о возлюбленной, временно лишился рассудка.

Полмесяца усадьба была на запоре. Пришла осень, сметая листву. Сняв легкие летние одежды, Вэй Цзиньюань надел тонкую рубаху, сверху накинул долгий халат, собрал волосы в узел и неспешно вышел.

— О, старший господин, вы из дома? — Яд змеи у матушки Цянь вышел, тело снова стало крепким, как раньше.

Вэй Цзиньюань улыбнулся:

— Отец вернулся ко двору, и все в усадьбе тоже могут выходить. Мне стало скучно, вот и решил прогуляться.

Матушка Цянь кивнула:

— Правильно, старший господин. В усадьбе в последнее время слишком душно. Сегодня старая госпожа даже отправила госпожу и наложниц в гости к подругам. — Она подняла глаза, в них промелькнул светлый блеск. — Старший господин, я слышала, сегодня вечером в Башне Изумрудной Ширмы устроили праздник фонарей. Не хотите ли сходить взглянуть?

Вэй Цзиньюань слегка улыбнулся:

— Как раз вовремя.

— О, значит, вы уже знали. — Матушка Цянь улыбнулась:

— Старой рабе надо в главный двор, помогать матушке Фэн с делами старой госпожи. Позвольте откланяться.

— Иди.

Вэй Цзиньюань поднялся по ступеням и вместе с Юаньбао вышел из усадьбы. На рынке повсюду царила невероятная суета. Слух о празднике фонарей в Башне Изумрудной Ширмы развеял тоску от долгого заточения.

— О, господин Чэнь, почему вы так давно не навещали рабыню?

Приторный голос раздался у самого уха, проникая в кости и смущая разум. Наверняка такой голос принадлежал прелестной девушке.

Вэй Цзиньюань уже обернулся, чтобы посмотреть, но вдруг перед глазами потемнело, и его действительно крепко ударило, от чего закружилась голова. К счастью, Юаньбао сзади подхватил его, и он не упал на землю, избежав позора. Вэй Цзиньюань устоял и посмотрел на неосторожного человека перед собой.

— Господин Чэнь, у вас все в порядке?

Приторный голос снова раздался. Вэй Цзиньюань посмотрел на девушку. Голос ее и впрямь был способен размягчить кости, а внешность — утащить душу. В то время как Вэй Цзиньюань любовался зрелищем, девушка шагнула вперед, уперев руки в бока:

— Откуда взялся этот нахал? Знаешь ли ты, кто такой господин Ли? Тебе такому позволено было налететь? Быстро встань на колени и проси прощения.

Вэй Цзиньюань был удивлен. Девушка оказалась с таким нравом. Видно, нет людей без недостатков. Вэй Цзиньюань поднял глаза и понял, что стоит у ворот Башни Пьянящего Аромата, не удивительно, что слова и поведение девушки таковы. Вэй Цзиньюань не желал связываться с другими и уже повернулся, чтобы уйти, как вдруг сзади раздался голос господина Чэня:

— Стой, прикажет этот господин.

Вэй Цзиньюань медленно обернулся и мягко улыбнулся:

— Осмелюсь спросить, какой у вас совет, господин Чэнь?

Чэнь Шанцзюй холодно окинул взглядом Вэй Цзиньюаня, словно с гневом, словно с презрением, и насмешливо произнес:

— Раз ты знаешь, кто я такой, почему еще не извинился перед этим господином?

Вэй Цзинъюань откуда было знать, какое у этого грязного типа звание, но по одежде тот не походил на сына обычного купца. Неужели сын какого-то чиновника?

— Ты кого просишь извиниться? Ты знаешь, кто такой мой господин?

Юаньбао с гневом выскочил из-за спины Вэй Цзинъюаня, надув щеки, в глазах полыхала ярость, словно он хотел живьем проглотить Чэнь Шанцзюя.

Вэй Цзинъюань, увидев, как Юаньбао в ярости, показался ему милым, и он не выдержал, рассмеялся, затем махнул рукой:

— Юаньбао, не злись, только себя утомишь. — Сказав это, Вэй Цзинъюань посмотрел на Чэнь Шанцзюя:

— Не знаю, как господин желает, чтобы я искупил вину?

У автора есть что сказать:

Наконец-то справился, продолжаю писать... До встречи завтра... Пока!

Покатаюсь немного, давно не катался, ха-ха-ха!

<http://bllate.org/book/16673/1529466>